Дампилова Л. С. Сюжет о богатырском сражении в бурятских версиях эпоса о Гэсэре / Л. С. Дампилова, Е. Э. Хабунова // Научный диалог. — 2020. — № 7. — С. 241—253. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-241-253.

Dampilova, L. S., Khabunova, E. E. (2020). The Plot of Heroic Battle in Buryat Versions of Epic about Geser. *Nauchnyi dialog*, 7: 241-253. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-241-253. (In Russ.).

УДК 398.22:821.512.36

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-241-253

СЮЖЕТ О БОГАТЫРСКОМ СРАЖЕНИИ В БУРЯТСКИХ ВЕРСИЯХ ЭПОСА О ГЭСЭРЕ¹

© Дампилова Людмила Санжибоевна (2020), orcid.org/0000-0003-0917-5432, доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики, федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия), dampilova_luda@rambler.ru.

© Хабунова Евдокия Эрендженовна (2020), orcid.org/0000-0002-2113-6877, доктор филологических наук, профессор, директор международного научного центра «Культурное наследие монгольских народов», федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова» (Элиста, Россия), khabunova@mail.ru.

Для установления генезиса и трансформации мотивов в разных версиях бурятских эпических текстов о Гэсэре впервые в сравнительно-типологическом аспекте анализируется сюжет о богатырском сражении. Определяются сходства и различия в мотивном фонде одного сюжета в разных локальных традициях. В ракурсе основной цели исследования по выявлению исходного мотивного фонда, характерного для эпической традиции монгольских народов, актуальным и значимым представляется выделение вариации мотивов в локальной традиции. Статичность событийного ряда в инварианте мотивов поединка и победы в эхирит-булагатской версии показывает наличие одного основного варианта мотива поединка с врагом — традиционной борьбы. В унгинской версии выявлено использование вариантов мотива традиционных видов борьбы и стрельбы из лука и новых вариантов мотива: батальное и групповое сражение, бой «силой острия», то есть кортиком, копьем. Сравнительно-типологический анализ мотивного фонда в одном сюжете в разных версиях устанавливает сохранность и трансформацию эпического текста, особенность региональных вариантов национального эпоса. Выявленные расхождения в развитии сюжета о богатырском сражении и составе мотивного фонда показывают разные этапы сложения двух вариантов богатырского эпоса.

Ключевые слова: персонаж; мотив; варианты мотива; сражение; поединок; победа.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-512-94006 МОНМ_а «Аннотированный каталог традиционных мотивов эпоса монгольских народов».

1. Введение

В рамках научного проекта РФФИ «Аннотированный каталог традиционных мотивов эпоса монгольских народов» как наиболее архаичные и традиционные выявлены мотивы сватовства и богатырского сражения. Для установления генезиса и трансформации мотивов в разных версиях бурятских эпических текстов о Гэсэре впервые в сравнительном аспекте анализируется сюжет о богатырском сражении, определяются сходства и различия в мотивном фонде одного сюжета в текстах с одним персонажем в разных локальных традициях. В бурятской эпической традиции в основном выделяются две повествовательные разновидности Гэсэриады: эхирит-булагатская и унгинская, бытовавшие в стихотворной форме. Для анализа выбраны полные эхирит-булагатская и унгинская версии.

В ракурсе основной цели исследования по выявлению исходного мотивного фонда, характерного для эпической традиции монгольских народов, актуальным и значимым представляется выделение вариации мотивов в локальной традиции. В бурятском эпосоведении нет отдельных исследований, посвященных сравнительному анализу мотивного фонда эпосов о Гэсэре. Сравнительно-типологический анализ различных вариантов эпоса предполагает выявление мотивных трансформаций, которые важно обнаружить путем отслеживания ее связей с предшествующими или параллельно существующими состояниями [Путилов, 2003, с. 192].

2. Сравнительные исследования бурятских эпосов о Гэсэре

Эхирит-булагатский вариант эпоса «Абай Гэсэр-хубун» [Абай Гэсэр-хубун, 1961] записан от сказителя Маншута Имегенова известным фольклористом Ц. Ж. Жамцарано в 1906 году, в 1961 году опубликован с переводом и примечаниями М. П. Хомонова и вступительной статьей А. И. Уланова. Отличительной особенностью данной версии бурятские эпосоведы считают единичные сходства с монгольскими и тибетскими версиями [Уланов, 1960; Шаракшинова, 1969]. Для нашего исследования важно мнение Н. Н. Поппе, считавшего эхирит-булагатскую версию «образцом наиболее древнего и архаичного героического эпоса» [Поппе, 1941, с. 18].

Сравнив эхирит-булагатскую версию с пекинским и монгольскими вариантами эпосов, Л. Лёринц приходит к выводу, что этот вариант не является собственно бурятским и принадлежит фольклорному процессу монгольских племен еще с древних времен [Lörlin, 1975, pp. 84—85]. Отмечается принципиальная общность начала версий эхирит-булагатской и унгинской, что, возможно, неким образом отражает состояние монгольской

Гэсэриады, предшествующее ее ламаистской обработке [Ibid.]. Думается, в эхирит-булагатской версии с наличием более древних общемонгольских корней для нас значимы состояние и сохранность архаичных мотивов.

Унгинская версия эпоса «Абай Гэсэр» [Абай Гэсэр, 1960], записанная от сказителя и шамана Пёхона Петрова И. Н. Мадасоном в 1940—1941 годах в улусе Хадахан Аларского района Иркутской области, по мнению А. И. Уланова, обнаруживает глубокие совпадения с монгольской Гэсэриадой [Уланов, 1960, с. 6]. Л. Лёринц провел сравнительный анализ унгинской версии с монгольской книжной традицией и, выявив схожие и разные эпизоды, конкретизировал, что исходной версией унгинского варианта является не пекинская, а монгольская версия [Lörlincz, 1975, pp. 65—78].

С. Ю. Неклюдовым проведены детальные сравнительные исследования тюрко-монгольских эпических текстов, и особый интерес вызывает его вывод о бурятских версиях Гэсэриады: «Формы устной передачи Гэсэриады в Бурятию пока остаются невыявленными, а часть приведенных параллелей (количество которых можно и увеличить) способна скорее показать близость приемов эпического текстопорождения при значительной общности исходных данных, нежели убедить в наличии прямых фольклорных связей» [Неклюдов, 2019, с. 302].

В связи с многолетними сравнительно-сопоставительными исследованиями эпосов монгольских народов в жанровом аспекте научно значимым представляется выявление схожих и особенных мотивов в одном из самых традиционных из них — богатырское сражение. В данной работе, учитывая «особенности взаимосвязи мотива с сюжетом» (Неклюдов), впервые выявляется роль мотивных вариантов в развитии сюжета. Также внимание уделяется неразрывной связи между мотивом и персонажем в системе мифологического сюжета: «Значимость, выраженная в имени персонажа и, следовательно, в его метафорической сущности, разворачивается в действии, составляющее мотив: герой делает только то, что семантически сам означает» [Фрейденберг, 1997, с. 223]. При рассмотрении мотива в системе таких категорий, как повествование, событие, действие, сюжет, персонаж, выявляются существенные функции мотива в эпическом нарративе. В повествовании событие реализуется мотивом, который тесно соотносится с сюжетом. Также события в сюжете соотнесены с основной концепцией героя, поэтому продуктивно анализировать мотив и образы персонажей в комплексе.

В сравнительном аспекте эпические сюжеты и мотивы были исследованы Л. Лёринцом, В. Хайссыгом, Н. Н. Поппе, Ч. Бауденом и др. С. Ю. Неклюдов, обобщив опыт описания сюжетной структуры в мировом мон-

головедении, приводит единый каталог основных мотивов монгольских эпических текстов [Неклюдов, 2019, с. 65—73]. В данной работе, опираясь на опыт систематизации эпических сюжетов, последовательно выявляется сюжетная структура в двух исследуемых эпических текстах. В этом каталоге пропущены сюжеты о женитьбе героя, выделены только сюжеты, касающиеся богатырского сражения: рождение богатыря, стремительный рост и чудесные способности ребенка, облик богатыря, владения богатыря, обретение богатырского коня, подготовка богатыря в дорогу, преодоление пути, облик врагов, поединок и расправа с противником и победное возвращение.

3. Облик богатыря

В сюжете «Облик богатыря» традиционно в эхирит-булагатских эпических текстах в формульном выражении определяется мотив богатыря героя как в обобщенном варианте: «Не мальчиком, а исполином он стал, не мужчиной — сокровищем он стал», — так и в портретном воплощении с бытовыми деталями: «Нарастил себе зубы, что (каждый) с лопату, (на уши) серьги, что с колеса, надел, и облик он принял здоровый и круглый» [АГ-х, 1961, с. 35]. Если в первом случае наблюдаются архаичные методы изображения героя, то для унгинской традиции характерна гипербола более позднего происхождения, подчеркивающая общие черты богатыря: «Если спереди посмотришь — красная будто скала, если в лицо посмотришь — едва на человека похож — такой стоял человек» [АГ, 1960, с. 60]. Как сохранность архаической эпики в стиле исполнения М. Имененова стоит отметить присутствие этнически обозначенных деталей традиционной жизни, конкретику описания. В эхирит-булагатском эпосе о Гэсэре больше стилистических, формульных схождений с бурятскими улигерами этой традиции, чем с эпосом о Гэсэре в унгинской версии.

Реализации мотива волшебной способности героя в обеих версиях эпоса почти идентичны. Если в первом случае без конкретики утверждаются волшебные способности героя: «Он обладает волшебною страшною силой» [АГ-х, 1961, с. 68], — то в унгинской версии последовательно подчеркивается магический дар, данный ему от небесных родственников: «С умением отмечать на пальцах чары двадцати трех ханов спустился» [АГ, 1960, с. 158]. Общим является мотив оборотничества, Гэсэр с рождения играет двоякую роль то богатыря, то неказистого несмышленища. В зрелом возрасте в борьбе с врагами он перевоплощается в малыша, разные предметы, существа.

4. Облик врага

Черты врагов Гэсэра в исследуемых текстах также гиперболизированы, мотив равенства противников в эхирит-булагатской версии поддерживается вариантом мотива уважения к врагу. После победы обязательным является вариант мотива достойного захоронения врага как героя: «Молодца победил — и хорошую лошадь над ним я забью!» [АГ-х, 1961, 1, с. 171]. В улигере М. Имегенова в основном фигурируют мангадхаи с разными количествами голов, их жены в виде рыжей старухи. В этом варианте эпоса наиболее востребован один из древних мотивов: «В рамках все того же мифологического “начального времени” демоноборческий сюжет» [Неклюдов, 2019, с. 381]. Помимо мангадхаев, присутствуют также не менее древние мифологические существа — змеи. Если в первом тексте «С ярко-красным глазом тот змей ядовитый и желтый (из моря) поднялся» [АГ-х, 1961, 1, с. 105], в унгинской версии змей больше похож на дракона: «Огромный змей с двадцатью семью головами, с тридцатью тремя хвостами» [АГ, 1960, с. 84]. Итак, противниками Гэсэра в эхирит-булагатской версии выступают в основном мифологические существа. Стоит отметить, что мотив поединка с чудовищем — «сюжетообразующий мотив в героическом эпосе, более очевидно демонстрирующий свою связь с мифологической тематикой» [Ершова, 2017, с. 15]. Единственный антропоморфный персонаж Галхан Нурман ханхай («Галхан Нурман ханхай-то ужаснейшим магом, творцом-чародеем родился» [АГ-х, 1961, 1, с. 70]) схож с персонажем по имени Гал Дулмэ хан из унгинской версии.

В унгинской версии больше количество врагов, и каждый имеет отличительные особенности. Во-первых, появляются враги в человеческом облике в статусе предводителей другого государства: три шараблинских хана, похожий на человека Гал Дулмэ хан. Антропоморфные черты имеет и дьявол Ширэм Мината. Присущие им мифологические черты чем-то напоминают вторую группу персонажей — мангадхаев, — ведь и мангадхаи по образу жизни похожи на людей: Абарга Сэсэн мангадхай, Лобсогой черный мангадхай. И третья разновидность врагов состоит из мифологических существ: Змей, похожий на дракона, Орголи-белое чудовище. Гал Дулмэ хана и дьявола Ширэм Мината можно отнести к мифологическим существам, но с антропоморфными чертами.

5. Инвариант мотива поединка в эхирит-булагатской версии эпоса

Мотив как предикат сюжетного повествования в любом случае обозначает комплекс возможных событий, разные варианты мотива в основном инварианте и создают этот комплекс возможных событий. В сюжете бога-

тырского сражения выделяем два основных инварианта мотива: поединок и победа. Итак, мотив обозначается «через ключевое слово, с грамматической точки зрения являющееся отглагольным существительным <...>. В своей семантической природе такие слова предикативны и обозначают определенное действие, с которым семантически коррелирует соответствующий глагол или устойчивое глагольное выражение» [Силантьев, 2002, с. 35]. В основном инварианте мотива богатырского поединка выявляются варианты мотивов, их трансформации.

В эхирит-булагатской версии инвариант мотива поединка отличается применением исконных монгольских правил состязания трех мужей: борьба, стрельба из лука и конные скачки: «Сразимся мы мощью плеча? Иль сразимся мы силою пальцев больших, остротой наших стрел, быстротой коней?» [АГ-х, 1961, с. 156]. В инварианте мотива поединка с врагом как главный выделяется вариант мотива традиционной бурятской (и общемонгольской) борьбы, в которой последовательно описываются различные методы ведения боя: *Подбирались друг к другу, и правой рукою, схватившись за шею, стали дергать друг друга* [АГ-х, 1961, с. 41]; *Подобно изюбрям, друг друга подбрасывали, и, подобно быкам, они бились, бодаясь* [Там же, с. 57]; *Того дернул к себе. Под себя затащил, еще раз потянул — под коленом согнул* [Там же, с. 88].

В варианте мотива борьбы как повторяющуюся постоянную особенность эхирит-булагатской версии стоит выделить гиперболизацию и натуралистические сцены единоборства: *Со спины (мангадхая Гэсэр) всеми пальцами сильных (рук) вырывал его мясо, бросал, а зубами передними белыми мясом грудной стороны вырывал и бросал <...> А из легких старшего (того) мангадхая, из голых подмышек тянул его белые бронхи* [Там же, с. 57—58]. Иссикающие силы как героя, так и его противника трафаретно обозначаются образной формулой: *Но (Гэсэр) все сражался и не поддавался, держась на спинной лишь артерии, что шелковой (нити) подобною стала* [Там же, с. 76—77].

Для эхирит-булагатской версии характерны устойчивые ключевые формулы схватки двух силачей, повторяющиеся в каждом последующем сражении героя. Теми же формулами описаны варианты мотива борьбы как героя, так и его противников. Можно констатировать, что в эхирит-булагатской версии наблюдается более примитивное кумулятивное развитие сюжета.

Особенностью архаичного вида сражения в варианте мотива традиционной борьбы является битва один на один. Хотя у Гэсэра имеются тридцать три батора и три тысячи воинов, борется с врагами в основном

он один. В сражении с Галхан Нурман ханхаем, соблюдая правила битвы один на один, герой борется сам, потом его богатыри, и только в конце на помощь призывает старшего небесного брата: *Лишь на десятки сутки / Вдвоем они еле свалили / Галхан Нурман-хана* [Там же, с. 78].

В инварианте мотива поединка особое значение имеют виды оружия и методы его применения героем и его противниками. Традиционные виды оружия: лук со стрелой и меч героя — отличаются волшебными свойствами: *Стрелу имеет хангайскую черную; Желтый даньяльский имеет он лук, / Чтобы заклинать на зарубке [стрелы]; Черный железный меч, рассекающий черное-злое. / Рассекающий белое белый серебряный меч* [Там же, с. 49]. Мангадхאי в сражении применяют простые орудия труда — топоры и колотушки: *Широкий и белый топор / С острием в девяносто шагов / Раздробился на части; Колотушка железная черная / Тут вся разбилась* [Там же, с. 56], их жены имеют такое орудие, как волшебная кожемялка. И, что примечательно, в эхирит-булагатской версии герой сражается с мангадхаями и побеждает их только методом традиционной борьбы. А лук, стрелы, мечи применяет герой в борьбе со змеей, женами и новорожденным младенцем мангадхая.

6. Инвариант мотива поединка в унгинской версии эпоса

Основной отличительной чертой в двух текстах являются методы ведения боя и виды оружия, обладающие волшебным свойством. В унгинской версии к луку и стреле добавляются копье, кортик. Как сам герой, так и враги имеют свое воинство, появляется вариант мотива батального сражения, что доказывает более позднее сложение данного повествования: *Все девять сражались, девять стрел выпустили, девять тысяч воинов сразили, девять тысяч коней пригнали; Встретились с войсками трех шабраблинских ханов* [АГ, 1960, с. 121]; *У Гал Дулмэ хана — две сотни превращений; с шестьюдесятью шестью баторами, с шестью сотнями воинов спустился* [Там же, с. 154].

Если в первом нарративе постоянно повторяется вариант мотива борьбы, то в унгинской версии в каждом сражении различные методы боя. В сражении с чудовищем можно выделить волшебный вариант мотива групповой битвы со сказочными элементами: *Абай Гэсэр хан, не сворачивая, рысью влетел вместе с вещим гнедым конем в пасть чудовища; Орголи-белого чудовища, пасть поперек подперев, дальше вошел; Буйдэ Улан батор разрубил из подмышечных восемнадцати прожилок чудовища самую жизненную прожилку* [Там же, с. 80]. Д. А. Бурчина в указателе произведений и вариантов героического эпоса унгинских бурят отме-

чает сказочные мотивы как отличительную особенность [Бурчина, 2007, с. 210—213].

В унгинской версии сюжет развивается динамично и логически последовательно, в сюжете богатырского сражения поединок героя с врагами идет по нарастающей в зависимости от силы и волшебных способностей противника: Абарга Сэсэн мангадхай, Лобсоголкой, Гал Дулмэ и Ширэм Мината. Мангадхая зовут в этом эпосе могучим и умным, но Гэсэр его побеждает одной стрелой, схожей по своим волшебным свойствам с вариантом Имегенова: *Лучиночная стрела в зрачок правого глаза Абарга Сэсэн мангадхая занозой воткнулась, исчезла* [АГ, 1960, с. 108]. Итак, в варианте мотива стрельбы из лука в этих двух текстах имеются схожие мифологические мотивы заговаривания стрелы и общения со стрелой как с живым предметом.

В инварианте мотива поединка наиболее разнообразные методы последовательно расписаны в сражении с Гал Дулмэ ханом. Новый вариант мотива боя «силой острия», то есть кортиками, копьем, сменяется традиционным вариантом мотива борьбы «силой плеча», то есть борьбы один на один. Если в эхирит-булагатской версии определили как основной вариант мотива борьбу героя одиночки с противниками, то в унгинской версии вариант мотива архаичного метода борьбы является единичным эпизодом: *Абай Гэсэр хан с Гал Дулмэ ханом снова схватились. Гал Дулмэ хан стал тянуть и тянуть — вот-вот под колени согнет* [Там же, с. 189].

В сюжете поединка в двух вариантах текста схожим является мотив борьбы двух сильнейших противников. В унгинской версии в мотиве традиционной борьбы богатыря с Гал Дулмэ ханом повторяется традиционная формула в трансформированном виде, в этом случае не только руками, но и кортиком дерутся два врага: *Мясо его со спины десятью пальцами раздирает, мясо его с груди острием оружия перерезал* [Там же, с. 238]. Также отличается инвариант мотива победы, в унгинской версии на помощь спустившийся с неба старший брат Заса Мэргэн убивает врага заговоренной стрелой. В унгинской версии стоит отметить такую особенность ведения боя с Гал Дулма ханом, как сражение отдельно богатырей, архаичный мотив борьбы главных противников, что доказывает частичную трансформацию инварианта мотива богатырского поединка.

В методах ведения боя основное значение имеют волшебные способности персонажей, особенно в унгинской версии, где наиболее используемым является вариант мотива победы благодаря как волшебным способностям героя, так и волшебным свойствам его орудия. Абай Гэсэр шараблинских ханов побеждает своими оборотническими способностями

и обманом, Заса Мэргэн побеждает заговоренной стрелой непобедимого врага: *Стрела Заса Мэргэна вонзилась и скрылась в зрачке заглавного белого глаза из насипинных ста тысяч глаз Гал Дулмэ хана* [Там же, с. 192]. Или богатыри Гэсэра долго сражаются с превосходящим войском Гал Дулма, а побеждает мгновенно оружие героя, обладающее волшебными свойствами: *Желтый булатный кортик Абай Гэсэр хана воинов Гал Дулмэ хана начисто истребив, в ножны вернулся* [Там же, с. 189].

В сюжете богатырского сражения после расправы с противником продолжается битва с его женой и младенцем. Если отмечаем разительные отличия в вариантах мотива битвы Галхан Нурман хана и Гал Дулмэ хана, то намного больше сходства находим в победе Гэсэра над младенцем. Как отмечал В. Хайссиг, одним из постоянных мотивов при описании врагов выступает «неуязвимый ребенок, младенец, извлеченный из утробы жены мангаса» [Heissig, 1982, с. 31]. В исследуемых версиях эпосов использованный единый вариант мотива убийства ребенка огнем в железном амбаре дополняется разными волшебными, религиозными вставками.

В инварианте мотива поединка с Ширэм Мината в доказательство неуязвимости железного дьявола последовательно приведены варианты мотива стрельбы из лука: *Могучая (хангайская) черная стрела в дьявола с чугунным кнутом попала, но не пробив, отскочила*; и битвы разным оружием: *Карающее черное копьё, не пробив, соскользнуло; Абай Гэсэр хан желтый булатный кортик берет и рубит, но дьявола с чугунным кнутом не может разрубить* [АГ, 1960, с. 250—251]. Против железного кнута дьявола в инварианте мотива победы востребованным является вариант мотива победы волшебным методом. Победа с могучими противниками обеспечивается только с помощью небесных родственников: *Шерстобитным прутом Манзан Гурмэ бабушки стал бить и стегать [дьявола], <...> до смерти избивает* [Там же, с. 250—259].

7. Инвариант мотива победы

В инварианте мотива победы над врагом в эхирит-булагатской версии в основном используется мотив сжигания тела, а золу развеивают по ветру: *Мангадхая старшого он сжег* [АГ-х, 1961, с. 79]; *Он осиновою сделал лопату, на море туманном, черном (ту костяную золу) он развеял* [Там же, с. 58]. Обязательный вариант мотива уважительного отношения к достойному врагу и после его смерти предполагает повторяющееся краткое формульное изречение после каждой битвы: *Непобедимое победил я сейчас, неодолимое одолел я сейчас!* [АГ-х, 1961, с. 58].

В унгинской версии инвариант мотива победы отличается разными вариантами мотива расправы над врагом: *Некоторые баторы стали шкуру разрезать, некоторые баторы стали шкуру сшивать* [АГ, 1960, с. 82]; *И с широких спин трех шараблинских ханов ремни вырезал, с их боков ремешки вырезал* [Там же, с. 149]; *Головы прострелили, тела разрубили, языки вырезали* [Там же, с. 238]. Что примечательно, традиционные мотивы наиболее ярко представлены в сражении с Гал Дулма ханом, и в данном случае побежденного врага сжигают с его конем, что характерно для эхирит-булагатского и других бурятских эпосов: *Сожгли Гал Дулмэ хана со звездно-чубарым конем и пепел без остатка осиновой лопатой развеяли* [Там же, с. 195]. Возможно, в подобных случаях включается акт «сказительской импровизации как вариационная разработка тех или иных тематических элементов эпоса» [Неклюдов, 1994, с. 234].

8. Заключение

Сравнительный анализ одного сюжета о богатырском сражении в двух версиях эпоса о Гэсэре выявляет схожесть и различие в инварианте мотивов поединка и победы. В эхирит-булагатской версии эпоса определены наиболее характерные особенности раннего этапа развития сюжета: кумуляция, параллелизм и повтор. Статичность событийного ряда в эхирит-булагатской версии показывает наличие одного основного варианта мотива поединка с врагом в виде традиционной борьбы. В унгинской версии динамичное развитие сюжета определяют наличие войска, разнообразие противников и видов оружия. В ходе анализа данной версии выявлено использование вариантов мотива традиционных видов борьбы и стрельбы из лука, а также новых вариантов мотива: батального или группового сражения, боя «силой острия», то есть кортиком, копьем. Кроме того, в унгинской версии установлены варианты сказочного мотива, мотива победы волшебством. Постоянно присутствующий в эхирит-булагатской версии мотив уважительного захоронения врага в унгинском тексте отсутствует, и только в эпизоде с Гал Дулмэ ханом в трафаретных формулах прослеживаются архаичные элементы мотивов поединка и победы.

Таким образом, приходим к выводу, что сравнительно-типологический анализ мотивного фонда в одном сюжете в разных версиях устанавливает сохранность и трансформацию эпического текста, особенность региональных вариантов национального эпоса. Выявленные расхождения в развитии сюжета о богатырском сражении и составе мотивного фонда свидетельствуют о разных этапах сложения двух вариантов богатырского эпоса.

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 18-512-94006 MECSM_a “Annotated catalogue of traditional motives of the epic of the Mongolian peoples”/ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-512-94006 МОКНМ_a «Аннотированный каталог традиционных мотивов эпоса монгольских народов».

Источники и принятые сокращения

1. АГ, 1960 — *Абай Гэсэр* / Сказитель П. Петров, зап. И. Н. Мадасона. Вступительная статья, подготовка текста, перевод и комментарий А. И. Уланова. — Улан-Удэ : Бур. комплексный НИИ СО АН СССР, 1960. — 314 с.
2. АГ-х, 1961 — *Абай Гэсэр-хүбүүн*. Эпопея. (Эхирит-булагатский вариант) / Подготовка текста, перевод и примечания М. П. Хомонова. — Улан-Удэ, 1961. — Ч. I. — 230 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абай Гэсэр*. Сказитель П. Петров, зап. И. Н. Мадасона. Вступительная статья, подготовка текста, перевод и комментарий А. И. Уланова / Абай Гэсэр. — Улан-Удэ : Бур. комплексный НИИ СО АН СССР, 1960. — 314 с.
2. *Абай Гэсэр-Хубун* : Эпопея : (Эхирит. булагат. вариант) / Записан Ц. Жамцарано у сказателя Маншута Имегенова ; подготовка текста, пер. и примечание М. П. Хомонова ; вступительная статья А. И. Уланова ; АН СССР. Сиб. отд-ние. Бурят. комплекс. НИИ. — Улан-Удэ : [б. и.], 1961. — 231 с.
3. *Бурчина Д. А.* Героический эпос унгинских бурят : Указатель произведений и их вариантов / Д. А. Бурчина. — Новосибирск : Наука, 2007. — 544 с.
4. *Ершова И. В.* К толкованию эпического мотива (постановка проблемы) / И. В. Ершова // Новый филологический вестник. — 2017. — № 2 (41). — С. 14—20.
5. *Неклюдов С. Ю.* Новотворчество в эпической традиции / С. Ю. Неклюдов // Поэтика средневековых литератур Востока : Традиция и творческая индивидуальность / ответственный редактор П. А. Гринцер, А. Б. Куделин. — Москва : Наследие, 1994. — С. 220—245.
6. *Неклюдов С. Ю.* Фольклорный ландшафт Монголии. Эпос книжный и устный / С. Ю. Неклюдов. — Москва : Индрик, 2019. — 592 с.
7. *Поппе Н. Н.* Об отношении бурят-монгольского Гэсэра к монгольской книжной версии / Н. Н. Поппе // Записки Бурят-монгольского ГИЯЛИ. — Улан-Удэ. 1941. — Выпуск 5—6. — С. 7—19.
8. *Путилов Б. Н.* Героический эпос и действительность / Б. Н. Путилов. — Ленинград : Наука : Ленинградское отделение, 1988. — 223 с.
9. *Силантьев И. В.* Мотив как проблема нарратологии / И. В. Силантьев // Критика и семиотика. — 2002. — Выпуск 5. — С. 32—60.
10. *Хомонов М. П.* Варианты эпоса «Гэсэр» / М. П. Хомонов // Гэсэриада : фольклор в современной культуре. Сборник статей и материалов (для национальных учебных заведений). — Улан-Удэ : Наран, 1995. — С. 85—97.
11. *Уланов А. И.* Предисловие / А. И. Уланов // Абай Гэсэр-Хубун : Эпопея : (Эхирит. булагат. вариант) / Записан Ц. Жамцарано у сказателя Маншута Имегенова ; Подготовка текста, перевод и примечание М. П. Хомонова ; вступительная статья А. И. Уланова ; АН

СССР. Сибирское отделение. Бурятский комплекс. НИИ. — Улан-Удэ : [б. и.], 1961. — С. 3—7.

12. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. Подготовка текста и общий редактор Н. В. Брагинской / О. М. Фрейденберг. — Москва : Лабиринт, 1997. — 448 с.

13. Шаракишинова Н. О. Героический эпос о Гэсэре : учебное пособие для студентов филологического факультета / Н. О. Шаракишинова. — Иркутск : [б. и.], 1969. — 348 с.

14. Lörincz L. Die Burjatischen Geser Varianten / L. Lörincz // Acta orientalia Academiae scientiarum hungaricae. — Budapest, 1975. — T. XXIX. Fasc. 1. — Pp. 55—91.

15. Heissig W. Felsgebur (Petrogenese) und / W. Heissig // Fragen der mongolischen Heldendichtung. Teil 2. — Wiesbaden : Otto Harrassowitz, 1982 (AF. Bd. LXXII). — Pp. 31—36.

THE PLOT OF HEROIC BATTLE IN BURYAT VERSIONS OF EPIC ABOUT GESER¹

© **Liudmila S. Dampilova** (2020), orcid.org/0000-0003-0917-5432, Doctor of Philology, Chief Researcher, Department of Literary and Folklore Studies, The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia), dampilova_luda@rambler.ru.

© **Evdokia E. Khabunova** (2020), orcid.org/0000-0002-2113-6877, Doctor of Philology, Professor, Director of the International Scientific Center “Cultural Heritage of Mongolian Peoples”, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov (Elista, Russia), khabunova@mail.ru.

To establish the genesis and transformation of motives in different versions of the Buryat epic texts about Geser, for the first time in a comparative typological aspect, a plot about a heroic battle is analyzed. The similarities and differences in the motive fund of one plot in different local traditions are determined. From the perspective of the main goal of the study to identify the initial motive fund characteristic of the epic tradition of the Mongol peoples, it is relevant and significant to highlight the variation of motives in the local tradition. The static nature of the event series in the invariant of the motives of the fight and victory in the Ekhirit-Bulagat version shows the presence of one main variant of the motive for the fight with the enemy: the traditional fight. The use of variants of the motive of traditional types of wrestling and archery and new variants of the motive: battle and group battles, fighting with the “force of the point”, that is, with a dagger, a spear is revealed in the article. A comparative typological analysis of the motive fund in one plot in different versions establishes the preservation and transformation of the epic text, a feature of the regional variants of the national epic. The revealed discrepancies in the development of the plot about the heroic battle and the composition of the motivational fund show different stages in the addition of two versions of the heroic epic.

Key words: character; motive; motive options; battle; duel; victory.

MATERIAL RESOURCES

AG, 1960 — Petrov, P. (skazitel’), Madason, I. N. (zap.) (1960). *Abay Geser*. Ulan-Ude: Bur. kompleksnyy NII SO AN SSSR. (In Yakut.).

¹ The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 18-512-94006 MOKNM_a “Annotated catalogue of traditional motives of the epic of the Mongolian peoples”.

AG-kh, 1961 — *Abay Geser-khybyyn. Epopeya. (Ekhirit-bulagatskiy variant), I.* (1961). Ulan-Ude. (In Yakut.).

REFERENCES

- Burchina, D. A. (2007). *Geroicheskiy epos unginskikh buryat: Ukazatel' proizvedeniy i ikh variantov*. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.).
- Ershova, I. V. (2017). K tolkovaniyu epicheskogo motiva (postanovka problemy). *Novyy filologicheskii vestnik*, 2 (41): 14—20. (In Russ.).
- Freydenberg, O. M. (1997). *Poetika syuzheta i zhanra. Podgotovka teksta i obshchiy redaktor*. Moskva: Labirint. (In Russ.).
- Heissig, W. (1982). Felsgebur (Petrogenese) und. In: *Fragen der mongolischen Heldendichtung*, 2. (Af. Bd. LXXII). Wiesbaden: Otto Harrassowitz. 31—36. (In Germ.).
- Khomonov, M. P. (1995). Varianty eposa «Geser». In: *Geseriada: folklor v sovremennoy kulture. Sbornik statey i materialov (dlya natsionalnykh uchebnykh zavedeniy)*. Ulan-Ude: Naran. 85—97.
- Lörincz, L. (1975). Die Burjatischen Geser Varianten. In: *Acta orientalia Academiae scientiarum hungaricae*, XXIX (1). Budapest. 55—91. (In Hung.).
- Neklyudov, S. Yu. (1994). Novotvorchestvo v epicheskoy traditsii. In: *Poetika srednevekovykh literatur Vostoka: Traditsiya i tvorcheskaya individualnost'*. Moskva: Naslediye. 220—245.
- Neklyudov, S. Yu. (2019). *Folklorный ландшафт Монголии. Эпос книжный и устный*. Moskva: Indrik. (In Russ.).
- Petrov, P. (skazitel'), Madason, I. N. (zap.) (1960). *Abay Geser*. Ulan-Ude: Bur. kompleksnyy NII SO AN SSSR. (In Yakut.).
- Poppe, N. N. (1941). Ob otnoshenii buryat-mongolskogo Gesera k mongolskoy knizhnoy versii. *Zapiski Buryat-mongolskogo GIYaLI*, 5—6. Ulan-Ude. 7—19. (In Russ.).
- Putilov, B. N. (1988). *Geroicheskiy epos i deystvitelnost'*. Leningrad: Nauka: Leningradskoye otdeleniye. (In Russ.).
- Sharakshinova, N. O. (1969). *Geroicheskiy epos o Gesere: uchebnoye posobiye dlya studentov filologicheskogo fakulteta*. Irkutsk: [b. i.]. (In Russ.).
- Silant'ev, I. V. (2002). Motiv kak problema narratologii. *Kritika i semiotika*, 5: 32—60. (In Russ.).
- Ulanov, A. I. (1961). Predisloviye. In: Zhamtsarano, Ts., Imegenov, Manshuta (zap.) *Abay Geser-Khubun: Epopeya: (Ekhirit. bulagat. variant)*. AN SSSR. Sibirskoye otdeleniye. Buryatskiy kompleks. NII. Ulan-Ude: [b. i.]. 3—7.
- Zhamtsarano, Ts., Imegenov, Manshuta (zap.) (1961). *Abay Geser-Khubun: Epopeya: (Ekhirit. bulagat. variant)*. AN SSSR. Sib. otd-niye. Buryat. kompleks. NII. Ulan-Ude: [b. i.]. (In Yakut.).